

АМАЛИЯ ЛИК

НА ОТШИБЕ ВСЕГДА
ПОЛУМРАК

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л56

Ответственный редактор *Екатерина Тёрина*

Дизайн обложки *Анны Кроник*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Berkah Visual / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Лик, Амалия.

Л56 На отшибе всегда полумрак : роман / Амалия Лик. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211618-6

В квартире найдено тело молодой женщины с многочисленными ножевыми ранами. На лице жертвы чернеет разрез, создающий ужасающее подобие улыбки, а губы хладнокровно прошиты черными нитями. Но кто мог совершить такое зверство?

Пытаясь разгадать эту загадку, детектив Ален Расмус одержимо блуждает в лабиринте тайн, окружающих не только это убийство, но и схожее событие, произошедшее десять лет назад. Поймать обезумевшего маньяка задача не из простых, понять его мотивы — еще сложнее.

Но что, если жертвы... заслужили свое наказание?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лик А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211618-6

*Посвящается
моей любимой бабушке Ларисе Фогельнест,
главному моему читателю, чья интуиция
превосходит дедукцию Шерлока Холмса.*

*Мечты не всегда воплощаются в жизнь так,
как мы себе это рисуем.*

Пролог

Тело Алена Расмуса больше ему не подчинялось, его сковало изнутри, словно кровь превратилась в бетон и намертво застыла в венах. Он не мог шевелиться; ни руки, ни ноги, ни даже язык больше его не слушались. Веки чугунными створками закрыли глаза. Голова лежала на автомобильной подушке, а тело было пристегнуто к пассажирскому сиденью. Ему казалось, что он парит в черном оке урагана, а вокруг кружат звуки реального мира — то слышится звук мотора и движение машин на трассе, то негромко играет радио, а убийца, хрустя арахисом, подпевает в тон мелодии. Он чувствовал запах подгоревшего дешевого кофе, которым пропитался воздух. Вязкий страх, неведомый ему ранее, сжимал горло, туманил мысли. Обездвиженный, беспомощный, он ждал, что вот-вот захлебнется чернотой этой ночи, но удары сердца по-прежнему предательски стучали в ушах, а воздух плавно втекал в легкие и вытекал из них. Алэн пытался думать об отце, его доме и просторе бескрайних полей, вспоминал задорный смех Агнес и ее удивленно вскинутые брови, последнюю улыбку матери, тепло ее рук. Но как он ни вызывал в себе эти воспоминания, их тут же гасил липкий ужас осознания случившегося.

— Мы отправимся в путешествие, — услышал он словно откуда-то извне. — Хотелось, чтобы все было по-дру-

гому, детектив. Ты мог бы познакомиться с ней и за чашкой кофе или, может, чая, выслушать наши объяснения, наш рассказ, нашу историю, но, увы, ты выбрал свой путь ищейки. Рыскать до самой последней минуты, вместо того чтобы вершить правосудие. Только не переживай, я не собираюсь тебя убивать. По крайней мере, пока... — В ушах Расмуса раздался тихий, но леденящий сердце смех. — В твоём теле всего-то парализующий препарат, поэтому ты не можешь шевелиться сейчас и в ближайшее время. Не трать силы зря, просто слушай. Ты теперь отличный слушатель.

Радио замолчало, и только механический голос навигатора известил, что впереди их ждет долгий путь.

— Зачем все это, наверное, спросил бы меня ты. У меня пока нет точного ответа. Мне приходила мысль бросить все и сбежать, но так делают только трусы. А мы с тобой не из их числа, не так ли? Я думаю, ты должен знать правду. Нет, ты достоин знать правду! Я делаю тебе одолжение, ты — тот, кому я собираюсь рассказать обо всем. Знаешь, меня всегда вдохновляла работа детективов. Мне казалось, что вы боретесь за справедливость. Но, увы, вы всего лишь следуете правилам и выполняете чужие приказы. А должны бы защищать слабых и наказывать виновных. Но вы никогда не приходите вовремя, не появляетесь в нужный момент, не делаете то, что должны. Мне казалось, что детективу так же важно узнать кто, как и понять почему. Надеюсь, тебе важно, Ален Расмус!

Он хотел бы ответить, повлиять, сделать хоть что-то, но ему оставалось только слушать, улавливать настроение, интонацию и надеяться, что ему выпадет хоть один шанс на спасение.

— Интересно, твоя жизнь стоит этой правды, этого одолжения?

Глава 1

Месяц назад

В этот весенний солнечный день в маленькой квартирке на четвертом этаже пятиэтажного дома собралась целая толпа мужчин в форме. Кто-то делал снимки, кто-то внимательно разглядывал убогую обстановку. А кто-то, застыв от ужаса, смотрел на обнаженный труп молодой женщины, напоминающий тряпичную куклу, которую посадили на пол, прислонив спиной к кровати. Бледно-серую кожу исполосовали многочисленные порезы, руки лежали ладонями вверх, голова была закинута на край кровати, а ноги напоминали чуть раскрытые ножки циркуля. На лице жуткой улыбкой чернел длинный разрез, мутные потухшие глаза смотрели в потолок. Дополняли эту пробирающую до нутра картину губы девушки, все в проколах, из которых торчали толстые черные нити. Складывалось впечатление, что вначале ее рот был грубо зашит, а потом в награду или же в наказание за что-то распорот одним движением, высвобождающим так и не прозвучавший крик о помощи.

— Что скажете? — спросил детектив Ален Расмус коронера Фридрика Пальта, склонившегося над телом.

— Скажу, что приблизительное время смерти десять — четырнадцать часов назад, точнее укажу в своем отчете. Предполагаемая причина смерти — потеря крови от многочисленных порезов, но это ты и сам видишь, — серьезно ответил коронер.

Фридрек Пальт был уже немолод и обладал чуть писклявым от природы голосом. Коллеги и знакомые звали его просто доктор Фил, не утруждаясь произнесением не самого звучного имени.

Ален достал планшет из кармана длинного темно-коричневого пальто и что-то отметил в нем.

— Понятно, — хрипло сказал он. — Когда будет отчет?

— Не напирай, Расмус, всему свое время, — ответил с ноткой раздражения Фил. — Сам видишь, тут работы — непочатый край. А у меня почти все холодильники заняты ожидающими.

— Значит, завтра в восемь утра, и ни минутой позже. Остальным клиентам придется еще подождать, — сухо бросил детектив и, не слушая возражений, направился к патрульным.

— Личность жертвы установлена?

— Да, сэр. Это Линда Смит. Двадцать девять лет, проживала в этой квартире. Ее паспорт лежал в сумочке. — Молодой патрульный указал в сторону небольшой черной сумки из потертого кожама, все еще висевшей на крючке в коридоре.

Детектив кивнул и внимательным взглядом осмотрел скудно обставленную комнату, где у кровати сидела растерзанная Линда. У стены справа стоял выдавший виды серый шкаф, дверца которого повисла на одной петле. Напротив кровати располагался небольшой комод, лишившийся ножек, вероятно, в далеком прошлом, а на нем громоздился старый телевизор. Справа у кровати прямо на полу стояла жестяная банка из-под фасоли, наполненная бычками от сигарет, и валялась упаковка от чипсов. Узкий подоконник был заставлен пустыми банками из-под дешевого пива, здесь же притулилась и наполовину опустошенная бутылка хорошего виски. Ален, поправив резиновые перчатки, подошел к подоконнику и аккуратно приподнял бутылку — не эксклюзив, но дороговата для такой обста-

новки. Продается, скорее всего, во всех крупных магазинах, но стоит проверить.

Он вернул бутылку на место и продолжил осмотр. Стены грязно-серого цвета — в потеках, потолок, пожелтевший от дыма, пол — липкий и грязный. То там, то здесь валялись упаковки от презервативов, а в углу пылилась пустая пачка сигарет.

— Ну и местечко, а запах — аж глаза режет, — произнесла, осторожно входя, детектив Агнес Крус — бахилы с трудом отдирались от липких пятен на полу. Это была невысокая подтянутая женщина лет тридцати пяти, с ясными карими глазами и густыми русыми волосами. Короткая стрижка подчеркивала красиво очерченные скулы.

— Ужасного тебе дня, — произнес с подобием улыбки Ален.

— И тебе того же, напарник. Подбросила нам судьба дельце, — угрюмо констатировала Агнес, рассматривая тело.

В отличие от своей напарницы, Ален был высоким и крупным. Ему уже стукнуло тридцать семь, и его послужной список насчитывал множество раскрытых, но «незначительных» дел, как он нередко отмечал в разговорах с отцом. Уже лет пять он мечтал о повышении, о «том самом деле», которое вытолкнет его из обычных детективов, работавших в Центральном полицейском управлении Пятого округа. Крупный нос, крупный рот и волевой подбородок делали его лицо приятным и располагающим, а зеленые глаза с характерным прищуром придавали загадочности и особого шарма. Правда, из-за казавшейся многим высокомерной манеры общения коллеги часто считали его неприятным и отталкивающим типом. Он обожал порядок в делах, но при этом не слишком заботился о чувствах других людей и был не особо тактичен, если полагал, что это мешает ему соблюдать тот самый порядок. С Агнес они работали в паре уже больше трех лет, и только она

со своим легким, ироничным отношением к жизни смогла приспособиться к суховатому напарнику, к его повадкам, привычкам и, само собой, правилам.

— Что думаешь, Агнес? — сердито спросил Ален, после того как глянул на часы и отметил про себя, что она прибыла на место преступления аж на десять минут позже, чем он ожидал.

Уловив направление его взгляда, девушка усмехнулась, подошла к напарнику и, чуть прижавшись плечом к его плечу, тихо произнесла низким голосом:

— Если ты спрашиваешь про мое опоздание, то, каюсь, не могла мгновенно сорваться после звонка. Войска моего дружка уже были подняты и требовали схватки.

— Агнес, ты знаешь, я спрашивал не об этом, — пробурчал Ален, пытаясь скрыть улыбку. Иногда она сводила его с ума своим нахальством и непредсказуемостью, но это же зачастую разряжало обстановку.

— А-а-а, так ты о деле, — насмешливо протянула девушка. — Итак, что же я думаю? Думаю, что жертва была убита.

— Агнес, я серьезно, — закипая, прошипел детектив Расмус.

Что-то подсказывало ему, что дело предстоит серьезное. Внутри уже билась мысль, что именно это расследование может стать его взлетной полосой.

— Я тоже. Множество хаотичных порезов по всему телу, ее поза, нитки, торчащие из губ, распоротый рот — жуть полнейшая. В общем, все говорит, что это не самоубийство, не несчастный случай и, скорее всего, не случайное бытовое убийство. Теперь тебя мой ответ устраивает? — Агнес постояла еще минуту, осматривая комнату, и, не дождавшись реакции напарника, добавила: — Судя по скудной обстановке, квартирка выдана ей в социальный найм, мебель, думаю, с барахолки. Грязь повсюду — ну, это уже вопрос к хозяйке. Могу предполо-

жить, что ее жизнь была далека от идеала. — Она взглянула на напряженное лицо Алена. — На ограбление не похоже, но отработаю и эту версию, хотя даже в голове не укладывается, что тут можно украсть. В общем, преднамеренное убийство, как я и сказала ранее.

— Да, — сухо согласился детектив, давась смрадным воздухом.

Ален и Агнес обсудили с коллегами вопросы по осмотру квартиры, опросу соседей, поиску информации и улик. Расмус хотел сам тщательно все проверить, но чем дольше оставался в комнате с жертвой, тем сильнее в нем росла необъяснимая смутная тревога, какая-то давно забытая неуверенность.

Он вспомнил свое первое расследование убийства, как впервые увидел место преступления, жертву. Тогда каждый шаг давался ему с трудом, хотелось сбежать и больше никогда не возвращаться. Его единственной мыслью было подавить подступающую к горлу желчь, но она все равно вырвалась наружу. К тридцати семи годам Ален повидал множество преступлений, убийств и трупов, но это отличалось особой жестокостью и сумасшествием, большой игрой воображения. А от въевшегося в стены тлетворного запаха гнили, канализации и мертвого тела желчь вновь, как когда-то, подступила к самому горлу.

Расмус быстро вышел из комнаты и, достав из кармана сигарету, поднес ее к носу. Делая неглубокие вдохи и более глубокие выдохи, попытался сдержать приступ тошноты. Она чуть отступила, но все еще была где-то неглубоко.

Детектив осмотрел гостиную, где стоял разобранный бордовый диван, покрытый грязными разводами и характерными следами, оставленными когда-то тлеющими сигаретами. Ален подошел к старому темно-коричневому бюро, напичканному всяким хламом. На полках валялись упаковки таблеток, письма о неуплате коммунальных платежей, счета за телевидение и телефон, стояли две банки

с окурками и пластмассовый стакан с мелочью. А сверху на бюро, среди толстого слоя пыли, гордо возвышался горшок с засохшим растением. Детектив прошел в крохотную кухню, где увидел несколько тарелок с заплесневелыми отходами, раковину, полную грязной посуды, и выдавший виды буфет с пустыми пластиковыми контейнерами.

Желчь вновь поднялась к самому горлу. Расмус задержал дыхание и шагнул в ванную, где обнаружил только маленький кусок мыла, старую зубную щетку с растрепанной щетинкой и пластмассовую расческу с клочками осветленных волос.

Зафиксировав общую картину, Ален в сопровождении Агнес быстро вышел из квартиры, потом из дома и только на улице сделал большой глоток чистого воздуха, после чего закурил сигарету, которую крутил в руках последние десять минут.

Глава 2

На отшибе

Все мое детство прошло на отшибе — отшибе города, отшибе жизни, отшибе существования. Я, как и моя сестра, были нежеланными детьми. У родителей просто не было денег на презервативы, так они объясняли наше появление на свет. Сестра заменила мне отца и мать и, поверь, была куда лучше их обоих вместе взятых. Она была старше всего на три года, но мне казалась такой взрослой, умной и недостижимой.

Воспоминания из детства начинаются с покосившегося домишки, который наша семья заняла не совсем законно. Может, когда-то он был приспособлен для нормальной жизни, но это было задолго до нашего появления на свет. Мне дом казался большим и уютным, но это потому, что сравнивать было не с чем. В нем пахло жареными картофельными оладьями, рыбой и табаком. Нам с сестрой была отведена маленькая комнатуха в подвальном помещении по соседству с кладовкой, где хранились овощи с огорода и прятались бутылки бурбона, который гнал отец. В комнате имелось окошко на одном уровне с землей, но для нас оно было дверью в мир солнечного света, чистого воздуха и надежды.

В комнате стояла сколоченная отцом из деревянных поддонов кровать, где мы с сестрой спали. Вдвоем было теплее и уютнее. Еще у нас был стол с полками, так мы